

Эскалация вооруженного насилия: проблема предела

Н.А. Балаклеец

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 15.10.23

В окончательном варианте: 23.10.23

■ Для цитирования: Балаклеец Н.А. Эскалация вооруженного насилия: проблема предела // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 48–54. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.7>

Аннотация. В настоящей статье в рамках миметической модели военной деятельности рассматривается проблема эскалации вооруженного насилия. Автор выделяет конструктивный мимесис, направленный на укрепление социальной солидарности, и деструктивный мимесис, который является источником эскалации насилия. Если для классика военной теории К. фон Клаузевица предел насилия выступает в качестве умозрачительной фигуры, то в ядерную эпоху он приобрел четкие эмпирические контуры. В статье проанализированы лестницы эскалации, финальной ступенью которых является масштабная война с применением ядерного оружия. Сделан вывод о том, что современная рефлексия вооруженного насилия включает в себя феномен предела в качестве своего неотъемлемого горизонта и сопряжена с поиском инструментов самоограничения военной деятельности.

Ключевые слова: война; насилие; предел; граница; эскалация; мимесис; социальная реальность; политическая философия.

Escalation of armed violence: the problem of the limit

N.A. Balakleets

Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted: 15.10.23

Revision submitted: 23.10.23

■ For citation: Balakleets N.A. Escalation of armed violence: the problem of the limit. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):48–54. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.7>

Abstract. The article, based on the mimetic model of military activity, examines the problem of the escalation of armed violence. The author identifies constructive mimesis, aimed at strengthening of social solidarity, and destructive mimesis, which can be regarded as a source of escalation of violence. For the classic of military theory Carl von Clausewitz the limit of violence acts as a speculative figure, but in the nuclear era the absolute maximum of violence received clear empirical contours. The article analyzes escalation ladders, the final step of which is the large-scale war using nuclear weapons. It is concluded that modern reflection on armed violence includes the phenomenon of the limit as its integral horizon; it is further connected with the search for tools for self-limitation of military activity.

Keywords: war; violence; limit; border; escalation; mimesis; social reality; political philosophy.

Проблема эскалации и деэскалации насилия является одной из наиболее значимых и дискутируемых в политической и социальной философии. Теоретическому обсуждению подлежат вопросы об источниках насилия, причинах его интенсификации и способах его ограничения. Утопические представления о «вечном мире» как цели и конечном этапе человеческой истории разбиваются о суровые реалии социальной жизни, исполненной конфликтов и противоречий. По свидетельству одного из наиболее чутких диагностов современности З. Баумана: «Мир без насилия нам придется отнести к числу самых прекрасных и, увы, самых несбыточных утопий» [1, с. 29]. Апеллируя к знаменитой метафоре чеховского ружья, которое, будучи помещено на сцену, непременно должно выстрелить во время театральной постановки, Бауман приводит статистические данные, отражающие все возрастающие объемы производства и продаж оружия и военной техники в современном мире. Общество, развитие которого направляется прагматическими интересами, не ограничится чисто декларативной и декоративной стороной гонки вооружений: «Наивно ожидать, что большая часть из почти миллиона ежегодно выпускаемых стволов в тот же год ни разу не выстрелит» [1, с. 36]. Социальная жизнь не просто не может быть свободной от насилия, но нуждается в его необходимом минимуме («хорошем насилии», совершаемом службами правопорядка). Вместе с тем агенты «хорошего насилия» вынуждены перенимать у своих противников (агентов «дурного насилия», совершаемого ради подрыва существующего правопорядка) их инструменты и стратегию [1, с. 29]. Возникает модель спирали насилия, потенциально уходящей в бесконечность.

В настоящем исследовании автор исходит из миметической (подражательной) модели насилия, основы которой были заложены в работах К. фон Клаузевица [2; 3], Р. Жирара [4], В. Палафера [5], З. Баумана [1].

Мимесис (подражание) — один из ключевых философских концептов, обнаруживающих свой эвристический потенциал для исследования не только феномена политического [6], но и социальной жизни в целом. Характеризуя миметический характер социального взаимодействия, отметим, что любое социальное действие способно порождать зеркальные эффекты. Мимесис лежит в основе передачи социального опыта, формирования устойчивых каналов меж- и внутривозрастного взаимодействия. Подражательные практики поддерживают тот смысловой универсум, который обеспечивает устойчивость и упорядоченность социальной реальности. Являясь одной из ключевых характеристик социальной жизни, мимесис вместе с тем не всегда служит источником мирного, бесконфликтного взаимодействия индивидов в обществе. Следует выделять конструктивный мимесис, направленный на укрепление социальной солидарности (таков, в частности, мирный характер обмена в архаических обществах, исследованный М. Моссом [7]), и деструктивный мимесис, приводящий к эскалации насилия. Именно на теоретическом анализе последнего феномена сфокусировано настоящее исследование.

Еще Э. Роттердамским были осмыслены социальные и политические риски, порождаемые исходным актом насилия. Как отмечал знаменитый гуманист: «Война порождает войну, месть влечет за собой месть» [8, с. 59].

Исходный акт насилия, получая симметричный ответ, в дальнейшем усиливается, подкрепляясь все более эффективными средствами и орудиями. Это заставляет соперника, в свою очередь, также разрабатывать надежные средства для достижения эскалационного доминирования. Таким образом, приводится в действие миметическая гонка, устремленная к крайности, в которой, как отмечал К. фон Клаузевиц, «каждый из борющихся предписывает закон другому» [2, с. 37]. Если в русле идей К. фон Клаузевица и Р. Жира-ра помыслить войну как миметическое соревнование, в котором каждый из соперников навязывает другому свои способы ведения военных действий, то мы приходим к необходимости обнаружения как предела вооруженного насилия, его финальной точки, так и тех границ (ограничителей), которые препятствуют или, напротив, способствуют достижению войной ее крайних форм.

Для Клаузевица процесс приближения войны к ее «абсолютному совершенству» связан с теми трансформациями, которые претерпели европейские войны начиная с 1793 года. Политическим фактором, который существенным образом трансформировал картину европейских войн, стала Французская революция. В результате революции произошло изменение методов государственного и административного управления. Изменения затронули характер правительства и положение народа. Выход на авансцену истории широких народных масс не мог не отразиться на характере войн: «разразилась стихия войны, освобожденная от всех условных ограничений, во всей своей естественной силе» [3, с. 127]. По свидетельству С. Хантингтона, который по сути воспроизводит выводы Клаузевица, в течение полутора столетий после заключения Вестфальского мира (1648) европейские войны велись преимущественно между правителями, движимыми интенцией расширения территорий своих государств. Начиная с Французской революции основные линии вооруженных конфликтов стали пролегать «скорее между нациями, чем их правителями» [9, с. 68].

Примеру Франции по обращению войны в «народное дело» (30-миллионный народ Франции превратился в мощнейшую силу войны) последовали другие государства Европы — Испания, Австрия, Россия, Германия. Таким образом, миметическое соревнование гигантских военных масс привело к приближению «действительной войны» к ее абсолюту [3, с. 126–127]. Подчеркнем, что речь не идет о достижении войной предельной, финальной точки своей эволюции (которая в теоретической модели Клаузевица является сугубо умозрительным конструктом). Абсолютный максимум или предел насилия в теории прусского генерала может быть уподоблен асимптоте, к которой приближается, но которой не может достичь действительная война.

Очевидно, что достижение насилием крайних форм сопряжено с угрозой дальнейшему существованию человечества, возможностью приведения его к небытию. Отчетливые эмпирические контуры данная возможность обрела в XX столетии после изобретения термоядерного оружия. В так называемых «лестницах эскалации», разработанных современными военными теоретиками, широкомасштабная ядерная война рассматривается в качестве финальной, предельной ступени, которой в принципе может достичь

военно-технологическая гонка [10, р. 39], [11, с. 221–222]. Лестница эскалации, которая была разработана Г. Каном, включает в себя 44 ступени. Согласно его выводам, политический конфликт развивается от «показного кризиса» («Ostensible Crisis») к «спазматической» или «бессмысленной» войне («Spasm or Insensate War») [10, р. 39]. Последняя ступень насилия предполагает неконтролируемые разрушения объектов противника с использованием всех доступных средств и массовые жертвы среди гражданского населения. Другой вариант лестницы эскалации, предложенный А.А. Кокошиным, содержит 10 ступеней и также воспроизводит логику интенсификации насилия. Российский военный теоретик рассматривает процесс эскалации насилия от начальной точки («нормального состояния» мировой политической системы) через политический кризис, гибридную и обычную войну к ядерному конфликту и последующему применению ядерного оружия. Наконец, пределом развертывания спирали насилия выступает «война с массивным применением ядерного оружия» [11, с. 222]. Обе приведенные лестницы эскалации исходят из возможности поэтапного распространения политического насилия не только на военные, но и на гражданские объекты. Оба автора показывают, как крайние формы войны из теоретической возможности могут стать действительностью.

Достижение насилием своего предела обесмысливает дальнейшее миметическое соревнование соперников. Военные действия с массированным использованием термоядерного оружия не могут развиваться по пути дальнейшей эскалации. Смысл конструируемых в военной теории лестниц эскалации заключается отнюдь не в том, чтобы довести политический конфликт до его катастрофической финальной точки, что привело бы человечество к небытию. Напротив, речь идет о выработке эффективных способов управления войной и оценке перспектив развертывания конфликта. Иными словами, участник вооруженного противостояния должен найти выход из дилеммы: пойти на уступки противнику, начав с ним переговоры, либо продолжать дальнейшую интенсификацию конфликта, стремясь к достижению эскалационного доминирования. Тем самым в военную стратегию закладываются механизмы сдерживания, ограничения вооруженного насилия, имманентные самой войне.

Следует отметить, что политико-философская и военно-теоретическая рефлексия о пределах вооруженного насилия далеко не всегда помещает его в линейную схему вызова и ответа. Военное противостояние не во всех случаях сопряжено с прогрессом в области военных технологий; эффективное противодействие сопернику может осуществляться с использованием оружия, которое далеко не всегда относится к техническим новшествам. Как отмечает Э. Люттвак, усилия военного противника направлены, прежде всего, на выработку контрмер против того вражеского оборудования, которое в текущий момент представляется наиболее опасным. Следовательно, менее успешное (и менее современное) оружие может обладать большим временным потенциалом полезности, нежели ультрасовременные разработки [12, с. 49–50]. Кроме того, серия победоносных операций одного из участников вооруженного противостояния не может продолжаться *ad infinitum* — необходимо учитывать такой фактор, как «кульминационная точка победы».

Люттвак раскрывает возможность достижения предела победоносных действий одним из противников и взаимообращения победы и поражения, апеллируя к событиям Второй мировой войны. Достигнув кульминационной точки победы к октябрю 1941 года, гитлеровская армия продолжила свое наступление в глубь территории Советского Союза и, нацеливаясь на центральном фронте на Москву, «неизбежно стала скатываться вниз по кривой» [12, с. 41].

Таким образом, эскалация вооруженного насилия не подчиняется жесткой линейной логике. Она сопряжена с постоянным чередованием статусов победителя и побежденного, а также предполагает наличие «побочных» рядов вооруженного противостояния, возможностей асимметричного ответа на вызовы противника. Эскалация насилия может быть спровоцирована вызовами со стороны более слабого в военно-техническом отношении актора — в данном случае действует так называемый парадокс Давида и Голиафа [13].

Эпоха высокотехнологичного вооруженного насилия не отменяет возможности возвращения войны к ее архаичным проявлениям — крайние формы насилия отнюдь не всегда тождественны его технически совершенным формам. Приведенное положение может быть подтверждено, в частности, экскурсом в историю Русско-японской войны. По свидетельству П.А. Кропоткина, необходимость находиться под ударами мощных артиллерийских снарядов, которые пронизывали театр военных действий, повергала участников боевых действий в «самое чудовищное, дикое состояние, какое представляет собой современная война»: «русские и японские солдаты катались в траншеях Порт-Артура, как дикие звери, колотя друг друга прикладами, ножами, вырывая куски мяса зубами...» [14, с. 511]. Предел эскалации насилия здесь связывается с крайним напряжением эмоциональных и волевых усилий, крайней степенью унижения человеческого достоинства.

Показательно, что прогноз о регрессе войны к ее примитивным формам делает один из наиболее авторитетных современных военных теоретиков М. ван Кревельд. Согласно выводам ученого, войны будущего обнаружат больше сходства «с войнами примитивных племен, чем с крупномасштабной традиционной войной с использованием обычных видов оружия» [15, с. 317]. Картина будущих войн, представленная Кревельдом, по сути представляет собой возвращение к естественному состоянию, описанному Т. Гоббсом. Она основана на неразличимости в будущем военных и гражданского населения, фронта и тыла. Акторами будущих войн станут отнюдь не роботы, которые покорят просторы космоса, но люди, действующие в сложной природной или рукотворной среде: «Это будет война подслушивающих устройств, заминированных автомобилей, мужчин, схватившихся врукопашную, и женщин, использующих свои сумочки для переноски взрывчатых веществ и наркотиков для их оплаты. Война будет затяжной, кровавой и ужасной» [15, с. 317].

Возвращаясь к проблеме поиска пределов насилия в ядерную эпоху, отметим, что плодотворным и эвристически значимым исследовательским приемом является рассмотрение крайних форм войны не в качестве ее финальной

точки, но как неотъемлемого горизонта либо исходного пункта рефлексии о войне, задающего ее вектор. Современные войны уже проходят под знаком крайности, которая из абстрактной категории, используемой Клаузевицем для описания войны как «идеального типа», трансформировалась в реальную возможность. И если в соответствии с выводами Клаузевица вооруженное насилие лишено имманентных механизмов ограничения («Введение же в философию самой войны принципа ограничения и умеренности представляет полнейший абсурд» [2, с. 36]), то симптоматично, что, согласно Люттваку, война может препятствовать собственному продолжению («...скорость, с которой война разрушает саму себя, обычно зависит от ее интенсивности и размаха» [12, с. 84]), а фактором, подогревающим военные действия, является перемирие, которое по сути является «замороженной войной» [12, с. 86].

Осознание реальной возможности ядерной войны как предела эскалации вооруженного насилия должно способствовать разработке эффективных стратегий ядерного и неядерного сдерживания, отысканию новых инструментов самоограничения военной деятельности.

Список литературы

1. Бауман З. Ретротопия. Москва: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
2. Клаузевиц К. О войне: пер. с нем. Москва: Логос; Наука, 1994. 448 с.
3. Клаузевиц К. О войне (7–8): пер. с нем. Москва: РИМИС, 2009. 336 с.
4. Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром: пер. с фр. Москва: ББИ, 2019. 300 с.
5. Palaver W. Gewalt und Wechselseitigkeit. Über die Ursache zwischenmenschlicher Gewalt, Gewalteskalation und Wege aus der Gewalt. In: Gesichter der Gewalt. Beiträge aus phänomenologischer Sicht. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 2014. P. 315–332.
6. Балаклеец Н.А. Феномен политического и границы насилия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 1. С. 97–106. EDN: IDUDGR doi: 10.18384/2310-7227-2023-1-97-106
7. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. Москва: КДУ, 2011. 416 с.
8. Роттердамский Э. Жалоба мира, отовсюду изгнанного и поверженного. В кн.: Э. Роттердамский. Трактаты о вечном мире. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 29–59.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2003. 603 с.
10. Kahn H. On escalation: metaphors and scenarios. New York: Praeger, 1965. 308 p.
11. Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. Москва: Изд. дом ВШЭ, 2019. 227 с. EDN: NVUFJX doi: 10.17323/978-5-7598-1944-8
12. Люттвак Э. Стратегия: Логика войны и мира: пер. с англ. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 392 с.
13. Балаклеец Н.А. Субъект власти в условиях современных войн: стратегия Давида vs стратегия Голиафа // Социодинамика. 2021. № 6. С. 42–52. EDN: BPQWXA doi: 10.25136/2409-7144.2021.6.33184
14. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. В кн.: Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. Москва: Правда, 1990. С. 239–616.
15. Кревельд М. ван. Трансформация войны: пер. с англ. Москва: ИРИСЭН; Социум, 2015. 320 с.

References

1. Bauman Z. *Retrotopia*. Moscow: VTSIOM; 2019. 160 p. (In Russ.)
2. Clausewitz K. *On the War*. Transl. from German. Moscow: Logos; Nauka; 1994. 448 p. (In Russ.)
3. Clausewitz K. *On the War (7-8)*. Transl. from German. Moscow: RIMIS; 2009. 336 p. (In Russ.)
4. Girard R. *To complete Clausewitz. Conversations with Benoit Chantre*. Transl. from French. Moscow: BBI; 2019. 300 p. (In Russ.)
5. Palaver W. Gewalt und Wechselseitigkeit. Über die Ursache zwischenmenschlicher Gewalt, Gewalteskalation und Wege aus der Gewalt. In: *Gesichter der Gewalt. Beiträge aus phänomenologischer Sicht*. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag; 2014. P. 315–332.
6. Balakleets NA. The phenomenon of political and border violence. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. 2023;(1):97–106. EDN: IDUDGR doi: 10.18384/2310-7227-2023-1-97-106
7. Moss M. *Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology*. Moscow: KDU; 2011. 416 p. (In Russ.)
8. Rotterdam E. Complaint of the world, from everywhere expelled and defeated. In: E. Rotterdam. *Treatises on eternal peace*. Saint Petersburg: Aletheia; 2003. P. 29–59. (In Russ.)
9. Huntington S. *Clash of Civilizations*. Moscow: AST; 2003. 603 p. (In Russ.)
10. Kahn H. *On escalation: metaphors and scenarios*. New York: Praeger; 1965. 308 p.
11. Kokoshin AA. *Questions of applied theory of war*. Moscow: HSE Publishing House; 2019. 227 p. EDN: NVUFJX doi: 10.17323/978-5-7598-1944-8
12. Luttwak E. *Strategy: The Logic of War and Peace*. Transl. from Engl. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; 2012. 392 p. (In Russ.)
13. Balakleets NA. The actor of power in the conditions of modern warfare: David's strategy vs Goliath's strategy. *Sociodynamics*. 2021;(6):42–52. EDN: BPQWXA doi: 10.25136/2409-7144.2021.6.33184
14. Kropotkin PA. Modern science and anarchy. In: Kropotkin PA. *Bread and will. Modern science and anarchy*. Moscow: Pravda; 1990. P. 239–616. (In Russ.)
15. Kreveld M van. *War Transformation*. Transl. from Engl. Moscow: IRISEN; Sotsium; 2015. 320 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья Александровна БАЛАКЛЕЕЦ — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, Самара, Россия; eLibrary SPIN: 9517-9438. **E-mail:** bnatalja@mail.ru

---

Information about the author

Natalia A. BALAKLEETS — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent at the Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 9517-9438. **E-mail:** bnatalja@mail.ru